

Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология

Александр Фисун

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ Том 39 № 6 (2007) С. 8-28

Осмысление сложной и противоречивой специфики процессов демократизации на постсоветском пространстве уже сейчас выявило исключительное своеобразие как форм самого демократического транзита, так и форм тех новых политических режимов, которые утверждаются в новых независимых государствах бывшего СССР. Растущее разнообразие форм и моделей политических режимов постсоветского типа, четко проявившееся к концу 1990-х — середине 2000-х годов (ср., например, полпрежимы Ельцина, Путина, Кучмы, Лукашенко, Каримова, Алиева, Саакашвили или Назарбаева), стимулировало пересмотр и уточнение многих устоявшихся концептуальных схем и подходов к анализу посткоммунистического развития. Центральный тезис этой статьи состоит в том, что *ключевые особенности постсоветского политического развития и режимной динамики постсоветских государств могут быть выражены с помощью понятия неопатримониализма* (Фисун 1997; 2000; 2004). Именно это понятие оказывается наиболее точным в описании постсоветской действительности.

Впервые комплексное раскрытие понятия патримониализма в широкой сравнительно-исторической перспективе было осуществлено Максом Вебером в работе «*Хозяйство и общество*», где он подробно анализирует различные варианты патримониализма и противопоставляет его чистый тип, с одной стороны, феодализму, а с другой — бюрократическому (рационально-легальному) правлению (Weber 1978, pp. 226–241, 1010–1110¹). По определению М. Вебера, «в своем чистом типе патримониальное господство, особенно в сословной форме, рассматривает все управленческие полномочия, с соответствующими экономическими правами, в качестве частным образом апроприированных экономических возможностей» (Weber 1978, p. 236). В своей первоначальной форме патримониализм развивается из управления хозяйством правителя/вождя, точнее, из отделения слуг/клиентов от домашнего хозяйства господина и предоставления им земельных владений, пожалований, возможностей сбора податей и т. д. (Theobald 1982, p. 555).

[9]

Следует отметить, что собственно понятие «патримониализм» происходит от слова *patrimonium*, которое впервые встречается в римском праве и означает наследственное, родовое имущество. В этом контексте понятие «патримониальной монархии» использовалось Гроцием, Гоббсом, Пуфендорфом для обозначения особой господской формы власти (*dominion*), подразумевающей владение «политическим телом» (*body politic*) на праве полной собственности, полученной, например, в результате того или иного приобретения или завоевания. Самостоятельный статус понятия патримониализма впервые был разработан консервативным швейцарским правоведом Карлом Людвигом фон Галлером в работе «*Реставрация науки о государстве*» (1816–1834), где он, в противовес концепции «общественного договора», выдвигает патримониальную теорию происхождения государственной власти из частной собственности господина. По его мнению, собственность не является следствием существования государства, а наоборот, государство и власть возникают как реализация частнособственнических прав. Функции государства (прежде всего по отправлению правосудия, сбору налогов и обеспечению безопасности) вырастают из управления частными владениями правителя, т.е. из его собственного хозяйства и персонального аппарата принуждения. Понятие патримониализма широко использовалось многими немецкими историками и правоведом (Р. фон Моль, Г. Еллинек, О. фон Гирке, Г. фон Белов), труды которых Вебер достаточно хорошо знал, а некоторые из них были его

¹ Нашу версию перевода важного фрагмента знаменитой главы «Типы господства» из первой части фундаментального веберовского труда «Хозяйство и общество» см.: Вебер 2007. В данном тексте М. Вебер подробно характеризует важнейшую разновидность традиционного господства — господство патримониальное, которое является ключевым для понимания специфики постсоветских трансформаций: особенностей постсоветского капитализма, взаимоотношений власти и бизнеса, процессов формирования современной бюрократии, рационализации «правил игры», реальных приоритетов правящих элит, феномена «захвата государства», коррупции и т. д.

непосредственными коллегами и друзьями. Патримониализм, как правило, рассматривался в немецкой политико-исторической теории в качестве особой формы властвования, основывающейся на частном владении и управлении государством как своей собственностью, по примеру того, как землевладелец распоряжается своей вотчиной (*Grundherrschaft*), в противоположность власти, которая ограничена договором, различными соглашениями, традиционными вольностями и т. д.

Развивая многие указанные теоретические интуиции дальше, М. Вебер выделяет и подчеркивает прежде всего *политическое* измерение патримониального господства. Особое значение при этом Вебер придает *частному присвоению судебно-юридических и военных функций государства*, которое часто «становится правовой основой для сословно-привилегированного положения присвоивших эти функции лиц в противоположность присвоению чисто экономических возможностей в виде домениальных, налоговых и любых других побочных источников доходов» (Weber 1978, p. 237). В своем письме Г. фон Белову от 21 июня 1914 года Вебер подчеркивает, что он использует понятие патримониализма именно для обозначения определенных типов *политического господства*, предполагающих присвоение публичной власти и связанных с нею юридических и военно-силовых полномочий: «терминологически я должен ограничить понятие патримониализма лишь определенными типами *политического* господства; ...при этом я подчеркиваю принципиальное различие домашней, персональной или вотчинной власти, с одной стороны, и политического господства (*Herrschaft*) с другой: последнее не является выражением ни одного из перечисленных видов власти, но скорее предполагает юридическую и военную власть» (см.: Roth 1978, p. xcvi). В этом смысле М. Вебер делает значительный шаг вперед от прежних интерпретаций, выводящих патримониализм из различных форм патриархальных отношений семейного или личного типа и в конечном счете отождествляющих патримониализм с выражением частноправовых аспектов вотчинной земельной собственности. Подчеркнув публично-политическое измерение патримониализма, его отличие как от патриархальных отношений в рамках домохозяйства, так **[10]** и от вотчинных отношений в рамках *Grundherrschaft*, Вебер не просто существенно переосмысливает данное понятие, но и открывает принципиально новые возможности его использования в сравнительном анализе ².

Одним из самых важных для нас выводов Вебера заключается в том, что патримониальный способ осуществления власти может иметь место внутри самых разных экономических и политических систем. По его мнению, в той мере, в какой судебные полномочия и другие права политического происхождения рассматривались в качестве частных полномочий, терминологически верно говорить и о «патримониальном» господстве. «Патримониальным институтам, — отмечает М. Вебер, — прежде всего недостает бюрократического разделения частной и публичной сферы. Политическое управление рассматривается правителем в качестве исключительно персонального предприятия, а политические полномочия существуют как часть его личной собственности, которая может приносить доход в виде налогов и дани» (Weber 1978, p. 1029). Хотя степень патримониализации в различных типах обществ и систем может варьироваться, в любом случае, пишет М. Вебер, «для нашей терминологии факт принципиальной трактовки властных полномочий и связанных с ними любого рода возможностей как *определенной разновидности* частных прав должен быть основополагающим» (Weber 1978, p. 237) ³.

Таким образом, специфической особенностью патримониализма является прежде всего апроприация (присвоение) сферы управления официальными носителями

² В какой степени веберовская трактовка патримониализма была связана с т. н. критическим направлением немецкой фон Белова), медиевистики и опиралась на ее достижения (прежде всего работы Г. остается достаточно дискуссионным вопросом, как и собственно вся веберовская попытка дифференциации различных вариантов традиционного господства (патриархализма, патримониализма, феодализма, султанизма) и их взаимного соотношения (см.: Poggi 1988; Murvar 1964; Bendix 1966, pp. 329–340, 360–369; Schluchter 1996, pp. 215–218. О влиянии социологии государства Г. Еллинека на генезис всей веберовской типологии форм господства см.: Roth 1971, pp. 260–265; 1978, pp. lxxxviii–xc; Murvar 1985, pp. 40–45; важные итоговые реконструкции см.: Schluchter 1981, pp. 106–128; Kalberg 1994, pp. 92–117).

³ Вебер так характеризует процесс патримониализации, степень которой в различных обществах может быть *весьма различной*: «Получивший должность человек, как правило, обретал вместе с ней и право на нее. Он владеет средствами управления подобно тому, как ремесленник владеет средствами производства. Из своих доходов он оплачивает издержки управления или отдает господину только часть доходов, оставляя остальное себе. В ряде пограничных случаев должность может быть наследственной или отчуждаемой, подобно любой другой собственности» (Вебер 1994, с. 70).

политической власти, а также нерасчлененность публично-политической и частной, приватной сферы социума, в результате чего государство управляется как частное владение («вотчина») правящих групп, которые на основе системы власти-собственности приватизируют различные общественные функции и государственные институты. Как пишет один из видных исследователей веберовского творчества Р. Бендикс, «при патримониализме правитель рассматривает всю сферу политического управления в качестве своего личного дела, таким же образом он использует свое обладание политической властью в качестве полезного дополнения к своей частной собственности» (Bendix 1966, p. 345).

На появление новых современных форм патримониального господства, особенно в новых постколониальных государствах Африки и Азии, впервые указал Гюнтер Рот в знаменитой статье «Персональное правление, патримониализм и имперское строительство в новых государствах», опубликованной в журнале «Уорлд политикс» в 1968 году (Roth 1968). По его мнению, вполне очевидно, что в новых постколониальных государствах отсутствуют весьма важные легально-рациональные элементы современного государства, и вместо этого, даже после исчезновения [11] традиционалистских форм легитимности, продолжается воспроизводство некоторых прежних базовых форм административной практики. Вместо не очень плодотворного (по крайней мере, для большинства случаев) противопоставления бюрократии и харизмы Рот предлагает воспользоваться возможностями веберовской концепции патримониализма, которая сохраняет свой эвристический потенциал и для условий посттрадиционного общества. По его мнению, следует различать две формы патримониализма: во-первых, традиционные патримониальные режимы, которые базируются на традиционной легитимности и наследственной власти (типичным примером является императорская Эфиопия), во-вторых, современные формы патримониализма, предполагающие «персональное правление на основе лояльности, которая не требует веры в уникальные личные качества правителя, а внутренне связана с материальными стимулами и вознаграждениями» (Roth 1968, p. 196). Если традиционный патримониализм все в большей степени становится «вымирающим» режимным видом, то институциональная матрица постколониальных государств способствует «детрадиционализации» персонального правления, которое гораздо чаще приобретает вид именно не харизматического, а патримониального господства, реализующего материальные интересы. Патримониальные режимы отличаются «от харизматического правления тем, что патримониальному правителю не требуется ни личная харизматическая привлекательность, ни выдвижение высоких целей; они отличаются от легально-рациональных бюрократий тем, что занятие позиций в госаппарате осуществляется вне принципов конституционно регулируемого законодательства или карьерного продвижения в соответствии с подготовкой и эффективностью» (Roth 1968, p. 196).

Кроме того, Рот специально указывает на то, что персональную власть патримониального типа не следует отождествлять или смешивать с авторитаризмом, хотя многие авторитарные режимы имеют множество черт как современного, так [12] и традиционного патримониализма, и эти черты, более того, могут быть более важными, чем имеющиеся у них элементы харизмы или легально-рациональных бюрократических практик. «Однако типологически, — отмечает Г. Рот, — отождествление «патримониального» и «авторитарного» является неправильным. Последнее понятие может быть полезным для установления континуума от плюралистической демократии до тоталитаризма; первая же категория относится, прежде всего, к типологии убеждений и организационных практик, которые могут быть найдены в любой точке данного континуума» (Roth 1968, p. 197), т. е. могут наблюдаться в различных формах современного государства и быть вполне совместимыми с определенными формами как капитализма, так и социализма.

Следующий шаг в развитии данной концепции был осуществлен Ш. Эйзенштадтом, который в целом ряде своих работ развивает комплексную теорию *неопатримониализма*. Традиционный патримониализм, по его мнению, был присущ различным древним и средневековым обществам (см.: Eisenstadt 1971, pp. 138–145). Продуктом модернизации современных постколониальных обществ является возникновение принципиально новых неопатримониальных структур современного типа, для которых характерен симбиоз некоторых элементов традиционализма и современного государства (Eisenstadt 1973, pp. 7–

30; Эйзенштадт 1999, с. 324–359). Возникновение неопатримониализма обусловлено тем, что становление политических институтов современного государства во многих развивающихся обществах Азии, Африки и Латинской Америки происходит в рамках специфического режимного «синтеза» традиционного и современного. Этот синтез отнюдь не является неким «переходным» состоянием, а, наоборот, обладает существенной устойчивостью и собственной логикой развития, приводящей к модификации и изменению «смысла» функционирования формальных политических институтов современного типа — парламента, партий, бюрократической и судебно-юридической сферы. По Эйзенштадту, возникновение неопатримониальных режимов в значительной степени объясняется провалами политики модернизации и строительства современного государства.

«Использование понятия “патримониальный” для описания столь различных режимов, — пишет Эйзенштадт, — диктуется неадекватностью центральных предположений основополагающих исследований по теории модернизации, равно как и более поздних концептов, таких как “провал модернизации”, “политический упадок” или “переходное” общество. Это понятие обнаруживает неадекватность этих предположений, указывая, во-первых, что многие из этих обществ и стран отнюдь не движутся по направлению к современным национальным государствам или обществам революционного типа; во-вторых, что эти режимы не обязательно представляют собой некую “транзитивную”, “переходную” промежуточную фазу на заданном пути к единому варианту современности; в-третьих, что в их развитии, напротив, присутствует некая своя логика, и, наконец, что по крайней мере часть этой логики или трансформационного паттерна может вытекать из некоторых особенностей исторической традиции этих обществ и быть объяснена именно в ее рамках» (Eisenstadt 1973, p. 10).

В отличие от Г. Рота Эйзенштадт связывает патримониализм не только и не столько с персональным правлением и различными формами личной власти, сколько — и более всего — с доминирующим паттерном взаимоотношений между властным центром и периферией системы, т. е. с определенной структурой взаимоотношений в рамках всей социальной системы и способами ее воспроизводства. Как пишет Эйзенштадт, «наиболее существенные особенности неопатримониальных обществ имели основанием структуру центров и отношения между [13] центром и периферией. В большинстве случаев центр в возрастающей степени монополизировал власть и политические ресурсы; крупным группам населения оставалось немного возможностей для самостоятельного доступа к таким ресурсам и позициям контроля над последними. Подобная монополизация лишь в минимальной степени сопровождалась попытками центра изменить структуру периферии (прежде всего отношения между центром и периферией) или создать социальные институты, которые были бы основаны на новом соотношении основополагающих норм и новых структурных принципах» (Эйзенштадт 1999, с. 327).

Новизна подхода Эйзенштадта заключалась в том, что он не только констатировал пределы модернизации постколониальных обществ, но и убедительно продемонстрировал, какие именно социально-политические системы возникают в результате модернизации и в какой степени результат расходится с первоначальными оптимистическими ожиданиями. Как пишет Ш. Эйзенштадт, для неопатримониализма характерна «кристаллизация нескольких политических синдромов: монополизация центральной власти и политических ресурсов со стороны центра; минимизация независимого доступа более широких групп к таким ресурсам и позициям контроля за ними и в то же время — крайне медленный процесс создания центром или обществом новых, более дифференцированных типов социальной организации и институтов» (Eisenstadt 1973, p. 18).

Можно выделить три основных принципа функционирования неопатримониальных систем:

1) политический центр отделен и независим от периферии, он концентрирует политические, экономические и символические ресурсы власти, одновременно закрывая доступ всем остальным группам и слоям общества к этим ресурсам и позициям контроля за ними;

2) государство управляется как частное владение (*патримониум*) правящих групп — носителей государственной власти, которые приватизируют различные общественные функции и институты, делая их источником собственных частных доходов;

3) этнические, клановые, региональные и семейно-родственные связи не исчезают, а воспроизводятся в современных политических и экономических отношениях, определяя способы и принципы их функционирования.

Важнейшим «рабочим» принципом функционирования неопатримониальной системы является *клиентелизм*, или *патронажные отношения* (Eisenstadt and Lemarchand 1981; Eisenstadt and Roniger 1984). В наиболее общей форме клиентелизм можно определить как отношения личной зависимости, вырастающие из асимметричного обмена услугами и статусными позициями между сторонами, каждая из которых обладает неравными ресурсами. Патрон защищает своих клиентов, взамен последние оказывают ему всевозможные услуги. Экономические и властные ресурсы первого обмениваются на (политическую и электоральную) лояльность вторых. Как подчеркивает Р. Теобальд, практически все исследователи патримониализма «усматривают сущностную особенность патримониальных режимов именно в обмене ресурсов (должностей, возможностей, титулов, контрактов, лицензий, иммунитета от уголовного преследования и т. д.) между ключевыми фигурами в правительстве и стратегически расположенными индивидами: профсоюзными лидерами, бизнесменами, региональными руководителями и т. д. В обмен на эти ресурсы правительство или главы государств получают экономическую и политическую поддержку» (Theobald 1982, p. 552). Иначе говоря, в условиях неразвитости официальных каналов взаимодействия рационально-легального типа функция трансляции и взаимной стыковки **[14]** различных партикулярных интересов осуществляется через механизм патронажно-клиентарных отношений, асимметрично «перераспределяющих» блага соответственно статусу и позиции каждого участника такого взаимодействия (глубокий анализ всего комплекса проблем клиентарно-патронажных отношений в постсоветском контексте см.: Афанасьев 2000).

Другой важнейшей особенностью неопатримониальных политических режимов является та или иная степень *персонализации власти*. Как правило, персонализированный характер власти и управления в неопатримониальных обществах связан со слабой рационализацией политического процесса, что обуславливает господство традиционных представлений о власти (вождя, царя, князя, государя) и их проекцию на современную действительность. Поэтому глава государства в таком обществе неизбежно становится воплощением политической системы, ее символическим центром и основным нервом, стягивающим формальные и неформальные нити правления в единое целое; все другие политические институты, в соответствии с таким воззрением, изначально второстепенны и являются лишь средством, инструментом реализации его политической стратегии. Персонализация власти органично предполагает самоидентификацию масс не с политическими программами (сегодня одними, завтра другими), а с личностью лидера, лояльность которому означает и лояльность политическому режиму, им олицетворяемому. Такого рода ценностные установки отражают доминирование в неопатримониальном обществе социальных связей типа «патрон — клиент».

Современные исследователи определяют неопатримониализм как «форму организации, в которой отношения патримониального типа пропитывает политико-административную систему, которая формально строится на рационально-легальных отношениях. Официальные лица занимают позиции в бюрократических организациях, имея формально установленные полномочия, однако осуществление этих полномочий происходит, насколько это возможно, не в виде **[15]** государственной службы, а скорее как реализация частной собственности. Общие взаимоотношения строятся при этом по патримониальной модели господина и вассала, а не рационально-легальным отношениям между начальником и подчиненным, поведение же при этом скорее ориентировано на демонстрацию персонального статуса чиновника, а не выполнение общественных функций» (Clapham 1985, p. 48). Кроме неопатримониализма, все большее внимание ученых в последнее время привлекает веберовское понятие султанизма, особенно в контексте анализа персоналистических диктатур и различных режимов личной власти (Chehabi and Linz 1998; Eke and Kuzio 2000; Guliyev 2005). Вебер рассматривает султанизм как крайнюю форму патримониализма, которая основывается на «свободном от традиционных ограничений произволе» правителя. В этой форме патримониализма «экстремально расширяется сфера проявления открытого произвола и милости» со стороны правителя, а в своем действии «чистый султанизм опирается прежде всего на возможности фискального произвола» (Weber 1978, pp. 231–232, 240).

К сожалению, следует отметить, что ни веберовская теория патримониализма, ни современные неопатримониальные концепции не привлекли серьезного внимания постсоветских исследователей. Единственным исключением являются работы М. В. Масловского, в которых впервые специально раскрывается веберовская трактовка патримониализма, а также обсуждаются ее применимость к интерпретации советского прошлого (Масловский 1995; 2001)⁴.

Представляется, что сегодня пришло время для теоретического синтеза и концептуального переформулирования всего комплекса проблем, характерных черт и особенностей постсоветского развития, которые не укладывались в мейнстримовскую парадигму демократического транзита и которые, разумеется, уже были отмечены многими вдумчивыми исследователями⁵. Успешная демократизация в период предшествовавших волн демократических переходов в Западной Европе и Латинской Америке, как правило, происходила уже после процессов [16] рациональной бюрократизации и строительства национального государства. Так, успешным переходам третьей волны предшествовал сначала длительный период олигархических демократий XIX столетия, потом — авторитарного развития 1920–1930 годов. Напротив, в большинстве постсоветских государств демократизация предшествовала весьма сложным и драматичным процессам рационально-бюрократической модернизации государства и национальной консолидации. «Постсоветские государства, — пишет Т. Кузьо, — в своем большинстве начали процессы демократизации и маркетизации в условиях отсутствия ряда существенных национально-государственных характеристик, которые являются необходимыми условиями успешной реализации проекта создания рыночной экономики и либеральной демократии» (Kuzio 2001, p. 171). Данная инверсионная логика развития, по моему мнению, и определяет фундаментальное различие как политических траекторий, так и конечных результатов демократического транзита в Латинской Америке, Южной и Центральной Европе, с одной стороны, и постсоветских трансформаций, с другой стороны.

Именно то обстоятельство, что постсоветское развитие происходило в условиях неоконченного национального строительства и незавершенной рационально-бюрократической трансформации государства, привело к тому, что в большинстве случаев инверсионные траектории постсоветского политического развития после распада Советского Союза повели не к установлению демократии, а к утверждению системы неопатримониального господства. Тезис о неопатримониальной природе постсоветских трансформаций позволяет внести существенное концептуальное уточнение и провести содержательно-сущностное наполнение понятий гибридного режима и неформальных институтов применительно именно к постсоветской социально-политической реальности. В этом смысле теория неопатримониализма может стать концептуальной основой реинтерпретации инверсионных траекторий развития в пределах всей четвертой волны демократизации.

Именно теория неопатримониализма, как мне кажется, позволяет наиболее точно схватить сущность постсоветского развития и интегрировать в рамках единого подхода весь

⁴ Конечно, следует отметить, что элементы патримониальных практик неоднократно отмечались многими исследователями в различных аспектах постсоветского политического развития (см., напр.: Shlapentokh 1996; Jensen 1997; Хлопин 1997; 2004, с. 15; Афанасьев 1998, с. 7–10; 2000, с. 14–15; 2006, с. 80–84, 110–117, 142–143, 220; Solnick 1999; Ильин 1999, с. 72–75; Шевцова 1999, с. 480–488; 2004, с. 36–42; Межуев 2000, с. 95; Matsuzato 2001; Tompson 2002, pp. 936–937; Lynch 2005, pp. 128–165; Пивоваров 2006). Однако в большинстве указанных работ не ставится проблема неопатримониальной модификации патримониальных отношений, а сами они рассматриваются, по сути, в качестве тех или иных рудиментов «исторического наследия» и/или уникальной цивилизационно-культурной традиции, в духе канонической работы Р. Пайпса «Россия при старом режиме» (см.: Пайпс 1993). При этом практически не используется богатый опыт веберовской разработки этого понятия, а также весь корпус современных работ по неопатримониализму, в которых демонстрируется, в какой степени данные отношения существуют уже не как остаточные формы «наследия прошлого», но как новые (и посттрадиционные по своей природе) принципы функционирования современных неопатримониальных режимов, основывающиеся на «материальных стимулах и вознаграждениях» (Г. Рот).

⁵ Тонкий новаторский анализ предложен, например, Г. Дерлугьяном, осуществившим комплексную реконструкцию динамики распада государственного социализма и последующих траекторий постсоветского развития; в значительной степени его трактовка «национализации провинциальных революций» в 1990-е основывается на идее о неопатримониальной природе государств постсоветской Евразии (Derluquian 2005, pp. 15–16, 222–228; также см.: Дерлугьян 2006). В качестве важных этапных работ на пути к новому пониманию постсоветского развития укажем также статьи В. Гельмана о различных траекториях политико-режимных трансформаций (Гельман 2001; 2007), а также политико-социологический анализ феномена «силового предпринимательства» и частного присвоения силовых ресурсов В. Волкова (Volkov 1999; 2000; Волков 1998; 2005).

комплекс черт и особенностей, составляющих его историческую специфику. Основными характеристиками неопатримониальной модели в постсоветских условиях является:

- формирование класса рентоориентированных (rent-seeking) политических предпринимателей, которые для достижения своих экономических целей используют политические возможности слияния власти и собственности⁶;
- частное — в той или иной степени — использование государственно-административных ресурсов, в первую очередь силовой и фискальной функции государства, которые применяются главным образом для подавления политического сопротивления и устранения экономических конкурентов;

[17]

- ключевая роль клиентарно-патронажных отношений и связей в структурировании политико-экономического процесса, а также пространства реальной политической борьбы.

В этой связи процессы перестройки и крушения коммунизма с точки зрения более крупномасштабной исторической перспективы следует рассматривать, с одной стороны, как определенную качественно новую ступень рационализации, связанной с переходом к новым, демократическим способам легитимации и формальным установлением легально-бюрократических форм господства, с другой же стороны — как процесс прямой патримониальной апроприации правящими элитами (партийной/хозяйственной номенклатурой второго и третьего эшелона и региональными республиканскими субэлитами) государственной машины управления. Демократизация и экономические реформы 1990-х годов модернизировали и усилили механизмы административно-политического рынка, а также клиентарного обмена ресурсов между различными сегментами центра и периферии, что трансформировало существовавшие в недрах советского строя элементы патримониального господства полутрадиционного типа в систему обновленного, «осовремененного» неопатримониализма, в котором данные отношения утрачивают традиционалистский характер и приобретают современное экономическое измерение. Такая трансформация становится предпосылкой формирования системы *политического капитализма* (по М. Веберу; по современной терминологии — «капитализма родственников и друзей», «crony capitalism»), основанного на той или иной степени патримониализации государства, общества и экономики (см.: Weber 1978, pp. 164–166).

Следует, однако, отметить, что постсоветские трансформации 1990-х привели к построению не традиционной патримониальной системы (что определило значительный разрыв как с опытом советского прошлого, так и с наследием **[18]** традиционализма), но именно к построению неопатримониализма, который стимулирует развитие постсоветского политического капитализма и обуславливает неопатримониальную логику функционирования демократических механизмов, предполагающую, в первую очередь, *не традиционные и/или идеологические мотивы поведения акторов, а, скорее, материальные стимулы рентоориентированного типа.*

В своем анализе различных форм патримониализма Вебер специально указывает и на такие его формы, которые могут существовать в рамках достаточно модернизированных социальных и политических институтов: например, «на основе монополизации отчасти — наиболее прибыльных форм деятельности, отчасти — взимания пошлин и сборов, отчасти — налогообложения. В этом случае рыночная конъюнктура, в зависимости от вида монополии, определяется в большей или меньшей степени иррационально, а основные возможности по извлечению прибыли концентрируются в руках господина и его управленческого аппарата. Капитализм в своем развитии либо (1) прямо тормозится непосредственным захватом управления прибыльными отраслями самими правящими группами, или же (2) тяготеет к области политически ориентированного капитализма в том

⁶ В политологии под политическими предпринимателями понимаются люди, которые инвестируют в политику различного рода ресурсы в расчете на возвращение их в будущем в виде благоприятной для них государственной политики. В современной политэкономической литературе rent-seeking в широком смысле определяется как борьба за политически обусловленное предоставление благ и привилегий. В более узком смысле это означает «стремление к прямой непроизводственной прибыли», т. е. присвоение не реального, а политически произведенного излишка в форме ренты. В значительной степени rent-seeking является одним из элементов веберовского политического капитализма и выступает следствием патримониализации государственной public policy. В нашем контексте указание на rent-seeking специфицирует неопатримониальную разновидность данного способа накопления капитала.

случае, когда права на откуп налогов, чиновничьи должности, армейские поставки и правительственные подряды определяются толщиной кошелька» (Вебер 2007, с. 162).

Таким образом, концепция постсоветского неопатримониализма в конечном счете всецело оправдывает веберовское указание на то, что патримониализм вполне совместим и, более того, стимулирует развитие отдельных разновидностей капитализма: «при господстве типичной патримониальной власти может возникнуть только (а) торговый капитализм, (b) капитализм, выросший на откупе налогов и должностей, (с) госпоставках и военных подрядах, (d) при определенных обстоятельствах плантационный и колониальный капитализм. Все эти капиталистические формы внутренне присущи патримониализму и часто достигают самого пышного расцвета. Прежде всего, потому, что им отнюдь не мешает нерациональность отправления правосудия, управления и налогообложения. Напротив, данные обстоятельства являются непреодолимым препятствием только для ориентированных на частных потребителей предпринимателей с устойчивым постоянным капиталом и рациональной организацией свободного труда, которым крайне необходима возможность расчета изменчивой рыночной конъюнктуры» (Вебер 2007, с. 164; также см.: Weber 1978, pp. 199, 1091; Вебер 2001, с. 302–303).

Постсоветский вариант неопатримониальных структур отличается формальной инсталляцией институтов современного государства (парламента и многопартийности, электоральных механизмов и современной конституции), которые, выполняя роль легитимного фасада системы, в целом *внутренне подчинены «патримониальной логике» своего функционирования*. Ключевую роль в функционировании постсоветских неопатримониальных систем играют не рационально-легальные отношения в рамках официальных систем взаимодействия, а *клиентарно-патронажные связи*, которые регулируют доступ неопатримониальных игроков к различного рода ресурсам на основе отношений личной зависимости, вырастающей из асимметричной конвертации и обмена капиталов. *Соответственно, формирование экономического капитала происходит не через присвоение средств производства, а прежде всего через присвоение административных средств управления*.

Несмотря на все многообразие социально-экономических и государственно-правовых форм, политических и идеологических ориентаций, политический процесс в постсоветских неопатримониальных системах обладает рядом общих и при этом коренных определяющих черт.

[19]

Ведущее место в системе неопатримониальной власти занимают представители *неопатримониальной бюрократии*, которая в значительной степени совмещает функциональные роли административных, политических и экономических элит. В этом смысле неопатримониальная бюрократия в такого рода системах выступает *основным агентом политического и экономического процесса*. Основанием для этого является функциональная независимость неопатримониальной бюрократии от общества. В качестве ведущей политико-экономической силы и реальной «партии власти» неопатримониальная бюрократия структурируется на основе региональных, отраслевых, клановых и семейно-родственных связей и представляет собой сложную пирамиду разнообразных патронатов, соединяемых через механизм клиентарных отношений вертикалью президентской власти (иногда в той или иной комбинации она может институционализироваться и в виде формальной «партии власти»). Как и прежде, экономическая функция координации всеобщих интересов в неопатримониальном обществе сливается с функцией управления им и, в свою очередь, переплетается с функцией символической и идеологической интеграции социума в целом.

Изначально «патримониальная бюрократия» является термином М. Вебера, который использует его при анализе комбинированных или промежуточных типов господства: «мы все время вынуждены, пользуясь такими словообразованиями, как “патримониальная бюрократия”, указывать на то, что данное явление некоторыми характерными для него признаками связано с рациональной, другими — с традиционалистской, в данном случае — с сословной формой господства» (Вебер 1994, с. 71). Используя известную веберовскую дифференциацию способов жить «для политики» и «за счет политики», неопатримониальную бюрократию можно определить как специфический административно-управленческий слой, который основным источником своего существования в той или иной

степени имеет не твердо установленное жалование, а различные пребендальные доходы от капитализации своих функций⁷.

Внутри неопатримониальной бюрократии центральные, стержневые позиции принадлежат «людям президента», а именно клиентарно-патронажной сети (КПС), которая образуется вокруг фигуры главы государства; на ее верхушке находятся лично преданные ему люди, которые занимают ключевые позиции в государственном и партийном аппаратах, курируют силовые министерства и основные отрасли экономики. Основной структурообразующий элемент КПС — *система личных связей, замкнутая на президента и базирующаяся в первую очередь на региональной, семейно-родственной или этнической общности, а также на общности текущих политических и деловых интересов. Именно этому неформальному институту и принадлежит направляющая, организующая и мобилизующая роль как в реальной или формальной «партии власти», так и в политическом развитии общества в целом, что отодвигает на второй план проблему верховенства в таком обществе какой-либо партии или государства.*

[20]

Все другие компоненты политического поля (парламент, партии, группы интересов, профсоюзы и другие общественные организации) в неопатримониальном обществе не превращаются в полноценный элемент «политической игры». Напротив, в последней, как правило, преобладают партии, обеспечивающие не соревновательность политического процесса, а поддержку правящей власти; т. е. механизма реальной партийной власти, как она понимается в современной парадигме демократии, в неопатримониальной политической системе фактически не существует: соотношение партийных и государственных институтов здесь оказывается «перевернутым». Не партии контролируют формирование и функционирование правительства и других государственных органов, а напротив, правящая власть направляет и контролирует деятельность партий и других общественных организаций, превращая их в придаток государственного аппарата, политические агентства при неопатримониальной бюрократии. При этом партийные органы превращаются в некие разновидности государственной администрации, а партийная бюрократия как бы растворяется в бюрократии государственной.

Партийные институты обычно рассматриваются в качестве: а) «приводного ремня» от государства к массам и б) средства создания сети клиентарных отношений, которые формируют базу господства КПС. Можно выделить следующие основные функции правящих партий в неопатримониальной политической системе (вне зависимости от наличия или отсутствия других партий). Во-первых, это контроль над выдвижением и отбором руководящих кадров в государственном аппарате, а также контроль за формированием представительских органов всех уровней; во-вторых, организация массовой поддержки целей, которые выдвигаются властью, обеспечение одобрения снизу тех или иных решений (через гражданские собрания, митинги, демонстрации и референдумы); в-третьих, политическое воспитание и идеологическая обработка масс в соответствии с той или иной официальной доктриной; в-четвертых, контроль и руководство массовыми организациями. Реальное же назначение партийного механизма (и это можно [21] отметить в качестве пятой функции) заключается чаще всего в *приватном распределении между членами правящей группировки общественно-публичной властной сферы*, т. е. ее патримониальной приватизации. Партийный механизм по принципам клиентарно-патронажных отношений рекрутирует новых членов «партии власти», «тасует» уже попавших в колоду, одновременно распределяя и перераспределяя доходные государственные должности и сферы «кормления».

Во многих разновидностях неопатримониальных систем парламентские органы эволюционировали в своеобразные «регистрационные палаты», не играющие самостоятельной роли в процессе принятия решений. Парламент, сформированный преимущественно из членов правящих (или доминантных полугосударственных) партий, в

⁷ Как пишет М. Вебер, «профессиональный политик, живущий за счет политики, может быть чистым пребендарием или чиновником на жалование. Тогда он либо извлекает доходы из пошлин и сборов за определенные обязательные действия - чаевые и взятки представляют собой лишь одну, нерегулярную и формально нелегальную разновидность этой категории доходов, — или получает твердое натуральное вознаграждение, или денежное содержание, или и то и другое вместе. Руководитель политикой может приобрести характер «предпринимателя», как кондотьер, или арендатор, или покупатель должности в прошлом, или как американский босс, расценивающий свои издержки как капиталовложение, из которого он, используя свое влияние, сумеет извлечь доход» (Вебер 1990, с. 656).

таких системах не обладает в большинстве случаев практически никакими правами и не осуществляет никакого контроля над деятельностью правительства. Фактически парламентские органы становятся одним из способов институционализации патронажно-клиентарных отношений между «держателями власти» (ныне это не королевская администрация, а КПС во главе с президентом) и прочими силами общества. Составленный из многочисленных патронатов, соединенных в иерархическую систему, парламент превращается в элемент системы *единой* власти, а не одной из властей в европейском понимании. Для правящих групп КПС данный механизм становится важным средством обеспечения лояльности и интеграции потенциальных контролеров в систему своей власти. Парламентарии, попав в жернова «представительного клиентелизма», принимают определенные правила игры, поскольку получение и сохранение депутатского места, а значит и всех связанных с ним материальных выгод и преимуществ зависит в гораздо большей степени от расположения патрона из правящего клана, чем от избирателей.

Политические системы постсоветского типа воспроизводят логику неопатримониального политического процесса: это не борьба партийно-политических альтернатив в рамках парламентского соперничества, а *борьба различных фракций неопатримониальной бюрократии за монополизацию тех или иных сегментов клиентарно-патронажных сетей, их изменение и перераспределение*. Как пишет Эйзенштадт, парламентские выборы в неопатримониальных системах обычно используются для завоевания позиций контроля над распределением ресурсов и установления контроля над участками клиентарно-патронажной сети, в то время как голосование и партийная мобилизация выполняет функцию расширения социальной базы доступа к таким ресурсам в системе редистрибуции, для формирования новых патронажно-клиентарных структур, фракционных групп и корпоративных образований. Политическая борьба, как и политика государства, специализировалась скорее на конкуренции за доступ к ресурсам, властным позициям и должностям, чем на поддержке новых типов экономической деятельности и новых форм статусных и классовых отношений (см.: Эйзенштадт 1999, с. 329–331; Eisenstadt 1973, pp. 14–17).

Взаимосвязь неопатримониального центра и различных политико-экономических элит осуществлялась не через демократические механизмы выборов и политического участия, а через вхождение в клиентарно-патронажные сети, различные корпоративные образования или формальную «партию власти». Возникшие в результате постсоветских экономических реформ рентоориентированные предприниматели, как правило, не стремились к автономной политической деятельности вне существующей КПС, очень редко поддерживали альтернативные политические силы и по большей части не проявляли интереса к перестройке политической сферы. Напротив, в условиях незаконченной [22] рационально-бюрократической трансформации и неполного разделения политики и экономики наиболее выгодной и «дешевой» стратегией рентоориентированных групп стало вхождение в клиентелистские цепочки обмена ресурсов и капитала⁸.

Перенесенные на постсоветскую почву основные элементы современной демократической системы (политические партии, выборы, парламент) в неопатримониальном обществе подвергаются существенной трансформации, становясь оболочкой, прикрывающей патримониальные и полупатримониальные общественные связи. Скрепленные между собой в значительной мере не современными, легально-рациональными связями гражданского типа, а отношениями патронажа и клиентелы, современные политические институты становятся удобным каркасом, в рамках и под ширмой которых происходит процесс воспроизводства различных форм неопатримониального господства.

Поэтому, в отличие от моделей демократизации в Латинской Америке, Южной и Центрально-Восточной Европе, неопатримониальные элиты в бывших постсоветских государствах разделены и конкурируют между собой — прежде всего за доступ к

⁸ Неопатримониальная система сводит к минимуму самостоятельный доступ автономных общественных групп к центру и позициям контроля над распределением ресурсов, стимулируя рентоориентированных предпринимателей к вхождению в системы перераспределения ресурсов в рамках клиентарно-патронажных сетей. В результате зависимость различных общественных групп от патримониального центра возрастает, а их автономность сводится к минимуму (Эйзенштадт 1999, с. 337–338). Правящие неопатримониальные группы попытались «контролировать и регулировать политический процесс таким образом, чтобы он не угрожал их монополии на политическую власть в центре и не создавал возможностей для получения различными группами независимого доступа к источникам власти в масштабе всего общества» (там же, с. 343).

клиентарно-патронажной сети, в центре которой находится лидер государства. *Постсоветские элитно-партийные кливажи могут быть определены именно через позиционирование либо внутри, либо вне системы «раздела государства».* Вместо классического разделения между умеренными и радикалами, либералами и консерваторами, левыми и правыми постсоветские неопатримониальные режимы могут быть охарактеризованы субэлитным расколом, вырастающим из конкуренции за лучшую позицию в иерархическом клиентарном распределении «благ и привилегий». В этом смысле *сущность политической борьбы в неопатримониальной системе состоит в борьбе за расположение и покровительство со стороны главы государства, но отнюдь не в борьбе за голоса потенциальных избирателей.* Все члены и отряды постсоветской элиты в той или иной степени вовлечены в соревнование и борьбу за долю «общественного пирога», которая регулируется верховным лидером государства, выступающим в роли надпартийного (надфракционного) арбитра. И если ключом к стабильности современных демократических государств является способность правителей поддерживать эффективные связи и быстро реагировать на запросы различных социальных слоев, то в неопатримониальных режимах таким ключом является способность различных элит приобретать и поддерживать клиентарно-патронажные связи с различными сегментами общества, а также сохранять низкий уровень конфликтности в соперничестве друг с другом за лучшую позицию в КПС.

Подведем некоторые итоги нашего анализа. К середине 1990-х годов в большинстве постсоветских государств в результате политических и экономических реформ происходит консолидация системы неопатримониального правления на основе того или иного варианта согласования интересов неопатримониальной бюрократии, политических рентоориентированных предпринимателей и главы государства, контролирующего использование силовых ресурсов государства. [23] В том случае, когда глава государства устанавливает персоналистский контроль над политикой и бизнесом с помощью как полутрадиционных, так и современных стимулов и вознаграждений, можно говорить о формировании султанистских режимов (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан, Беларусь). Там, где произошел «захват государства» рентоориентированными экономическими игроками в союзе с неопатримониальной бюрократией, сформировались олигархическо-патримониальные режимы (Россия, Украина, Молдова, Грузия, Армения). Расширение позиций рентоориентированных акторов (что наиболее ярко проявилось в их роли на президентских выборах в России и Украине во второй половине 1990-ых или в силовых захватах власти в закавказских республиках) приводит к усилению конкуренции различных фракций неопатримониальной бюрократии и плюрализации экономического и политического поля этих государств — процессам, затронувшим и ряд просвещенных султанистских режимов Центральной Азии и Закавказья (Казахстан, Киргизию и Азербайджан). В большинстве олигархическо-патримониальных режимов наиболее влиятельные экономические игроки ставят вопрос о частичном изменении правил игры и снижении роли главы государства как основного вето-игрока и доминантного элемента неопатримониальной вертикали. Можно сказать, что возникла потребность не в иерархической, а скорее в горизонтальной самоорганизации экономических игроков без единого монопольного центра, что получило свое политическое выражение в проектах парламентаризации политической системы и породило запрос на «слабого президента». Так возникла первая стратегия трансформации постсоветского неопатримониализма, которую можно назвать «политической рационализацией»: политическая система должна быть преобразована так, чтобы быстро и эффективно откликаться на запросы различных групп экономических интересов, т. е. быть прозрачной и нейтральной.

В ответ на это неопатримониальная бюрократия, используя подконтрольность силовых ресурсов главе государства, попробовала поставить под свой контроль или прямо ликвидировать все усилившиеся независимые центры силы [24] (олигархические бизнес-интересы, политические партии, СМИ, парламент, негосударственные организации гражданского общества, культурные и региональные элиты и т. д.). «Олигархический поворот» 1993/94–1999/2000 годов сменяется новым ключевым трендом 2000/01–2004/06-го, который состоит, с одной стороны, в формальной рационализации/бюрократизации политико-экономических центров власти и восстановлении позиций государства в экономической сфере, с другой — в попытках ограничения и контроля политической

конкуренции, что вызывает развитие авторитарных тенденций и постепенное «закрытие» политической сферы⁹. Данную стратегию можно назвать путем «силовой рационализации», в определенном смысле этот путь аналогичен развитию абсолютизма в Западной Европе (формированию *Polizeistaat*) и его борьбе с другими конкурирующими центрами власти¹⁰. «Силовая рационализация», проходящая под лозунгами «наведения порядка в экономике», фактически приводит к «контрреволюционной стабилизации»: экспроприации ресурсной базы независимых экономических игроков, устранению их значимого политического влияния и в конечном итоге к упадку роли парламента и политических партий. Можно сказать, что успешная «силовая рационализация» является формой «бюрократической революции» сверху, которая приводит также к существенной трансформации режима в некую разновидность *бюрократического неопатримониализма* (где доминирующим слоем становится силовая бюрократия), который имеет своим прототипом «бюрократический авторитаризм» латиноамериканского или восточно-азиатского типа. Именно в этом направлении «бюрократической революции» сверху (и пока относительно успешной контрреволюционной стабилизации) развивается Россия, Беларусь, Казахстан и Азербайджан.

Таблица 1

Типология постсоветских неопатримониальных режимов

Основные формы	Специфические особенности	Типичные примеры
Бюрократический неопатримониализм	Государственно-бюрократическая неопатримониализм монополизация и полупринудительная централизация неопатримониального господства, значительная роль военных структур и спецслужб, популистская и патриотическая мобилизация и плебисциты	Беларусь, Россия при Путине
Олигархический неопатримониализм	Формирование широкого слоя неопатримониализм олигархических и региональных рентоориентированных игроков, действующих рядом или на месте государственных институтов через клиентарно-патронажные сети	Россия при Ельцине, Украина при Кучме
Султанский неопатримониализм	Крайняя степень концентрации неопатримониализм личной власти (часто наследственной Узбекистан или пожизненной), фасадный характер выборов, клановые модели голосования	Туркменистан, Узбекистан

[25]

В силу геополитических причин и слабости ресурсной базы неопатримониализма достаточно безболезненно парламентаризация режима произошла в Молдове (как и ранее в прибалтийских государствах). В других странах оппозиционные рентоориентированные политические предприниматели, опираясь на свои региональные и социальные базы поддержки, были вынуждены перейти к мобилизации масс снизу (Грузия, Украина и Киргизия), что вызвало классическую «неопатримониальную революцию», хорошо знакомую специалистам по третьему миру (ср. с падением режимов Маркоса, Сухарто и Мобуту). Данный тип революций не меняет базовую модель отношений между центром и периферией, основанную на ограничении доступа к центру и позициям контроля за ним, скорее они изменяют политику распределения ресурсов, а также принципы справедливости, которые обосновывают эту политику. Можно сказать, что «цветные революции» произошли там, где правящие элиты (1) поздно или недостаточно решительно перешли к осуществлению стратегии «силовой рационализации» и подавления независимых конкурирующих центров силы, (2) не смогли добиться поддержки большинства в большинстве социальных и региональных групп и интегрировать их в систему неопатримониального перераспределения.

⁹ О различных вариантах постсоветского конкурентного авторитаризма см.: Carothers 2002; Levitsky and Way 2002; Way 2005.

¹⁰ Ср., напр., противопоставление *capital-intensive* и *coercive-intensive* путей становления европейских национальных государств, предложенное Тилли (Tilly 1992).

Таблица 2

Сценарии развития постсоветских неопатримониальных режимов

	КОНСОЛИДАЦИЯ	КОНФЛИКТ
Доминирование бюрократии; государство как главный агент изменений	Неопатримониальные пакты Россия при Ельцине, Украина при Кучме, Азербайджан при Гейдаре Алиеве, Россия при Путине, Туркменистан, Узбекистан, Беларусь, постконфликтные Азербайджан, Таджикистан и Армения	Силовая рационализация Контрреволюционная стабилизация сверху: Россия при Путине, Беларусь, Азербайджан при Ильхаме Алиеве, Казахстан
Доминирование рентоориентированных групп интересов, общество как главный агент изменений	Конституционные реформы Парламентаризация режима. Прибалтика, Молдова	Политическая рационализация «Цветные революции» снизу Украина, Грузия, Киргизстан

Таким образом, «политическая рационализация» снизу (через «цветные революции») и «силовая рационализация» сверху (через «бюрократическую революцию») могут считаться различными вариантами осуществления процесса рационально-бюрократической трансформации, которая в свое время привела к рождению современных национальных государств. Демократия в обоих случаях может быть, а может и не быть специфическим итогом этой трансформации, в равной степени ее следствием может стать рождение неопатримониальных «олигархических демократий» или авторитарных режимов, хорошо знакомых специалистам по межвоенной Западной Европе или Латинской Америке.

* * *

Предложенная неопатримониальная перспектива анализа позволяет поставить более широкий вопрос о возможности в постсоветских обществах вообще непосредственного и прямого «перехода к демократии» и государству «современного типа», а также о правомерности отождествления происходящих в этом регионе процессов политической трансформации с процессами «демократического [26] строительства». Процессы «демонтажа коммунизма» и «транзита к демократии» привели к установлению хорошо изученных на примере Азии, Африки и Латинской Америки неопатримониальных политических институтов, в которых, несмотря на существование фасада современного демократического государства, ключевую и структурообразующую роль, как в определении правил «политической игры», так и в функционировании политической системы в целом, выполняют не рационально-легальные, а неопатримониальные отношения и связи. В конечном счете постсоветский «демократический транзит» привел лишь к обновлению, модификации и рационализации неопатримониальных практик господства, но отнюдь не к установлению либеральных демократий рационально-легального типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев М. От вольных орд до ханской ставки // Pro et Contra. 1998. Т. 3. № 3. С. 5–20.
 Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. 2-е изд., доп. М.: МОНФ, 2000.
 Афанасьев М. Н. Невыносимая слабость государства: Очерки национальной политической теории. М.: РОССПЭН, 2006.
 Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
 Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Попытка сравнительного исследования в области социологии религии. Вступление // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 43–77.
 Вебер М. История хозяйства. Город. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
 Вебер М. Традиционное господство // Прогнозис. 2007. № 2. С. 150–165.
 Волков В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства (исследовательская гипотеза) // Полис. 1998. № 5. С. 39–47.
 Волков В. В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2005.
[27]
 Гельман В. Я. Постсоветские политические трансформации: (Наброски к теории) // Полис. 2001. № 1. С. 15–29.
 Гельман В. Я. Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис. 2007. № 2. С. 81–108.
 Дерлугьян Г. Кризисы невоетчинного правления // Логос. № 5. 2006. С. 154–160.
 Ильин М. Политическое самоопределение России // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 3. С. 67–88.
 Масловский М. В. Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 95–109.
 Масловский М. В. Исследования советского общества в неовеберовской исторической социологии // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 5–14.
 Межуев В. Традиция самовластия в современной России // Свободная мысль. 2000. № 4. С. 94–102.

- Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.
- Пивоваров Ю. С. Между казачеством и кнутом (К столетию русской конституции и русского парламента) // Полис. 2006. № 2. С. 5–26.
- Фисун А. А. Неопатримониальные политические системы: основные особенности // Проблемы демократии в реформируемой Украине. Харьков: ХГУ, 1997. С. 57–62.
- Фисун А. Постсоветские политические режимы: «новые демократии» или неопатримониальные системы? // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. 2000. № 456. Ч. 1. С. 15–18.
- Фисун А. А. Постсоветские политические режимы: неопатримониальная интерпретация // Ойкумена: Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Вып. 2. Харьков: Константа, 2004. С. 130–140.
- Хлопин А. Становление гражданского общества в России: институциональная перспектива // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 60–76.
- Хлопин А. Д. Деформализация правил: причина или следствие институциональных ловушек? // Полис. 2004. № 6. С. 6–15.
- Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999.
- Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et Contra. 2004. Т. 8. № 3. С. 36–55.
- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М.: Аспект-пресс, 1999.
- Bendix R. Max Weber. An Intellectual Portrait. London: Methuen, 1966.
- Carothers T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. No. 1. P. 5–21.
- Chehabi H. E. and J. Linz (eds.). Sultanistic Regimes. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.
- Clapham C. Third World Politics. Madison: University of Wisconsin Press, 1985.
- Derluguian G. Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
- Eisenstadt S. N. Patrimonial Systems: Introduction // Eisenstadt S.N. (ed.). Political Sociology: A Reader. New York: Basic Books, 1971. P. 138–145.
- Eisenstadt S. N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. London: Sage, 1973.
- Eisenstadt S. N. and R. Lemarchand (eds.). Political Clientelism: Patronage and Development. London: Sage, 1981.
- Eisenstadt S. N. and L. Roniger. Patrons, Clients and Friends. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Eke S. and T. Kuzio. Sultanism in Eastern Europe: The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. No. 3. P. 523–547.
- [28]**
- Guliyev F. Post-Soviet Azerbaijan: Transition to Sultanistic Semiauthoritarianism? An Attempt at Conceptualization // Democratizatsiya. 2005. Vol. 13. No. 3. P. 393–435.
- Jensen D. N. Patrimonialism in Post-Soviet Russia // RFE/RL Newline, 1997.
- Kalberg S. Max Weber's Comparative-Historical Sociology. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Kuzio T. Transition in Post-Communist States: Triple or Quadruple? // Politics. 2001. Vol. 21. No. 3. P. 168–177.
- Levitsky S. and L. A. Way. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. No. 2. P. 51–65.
- Lynch A. How Russia is Not Ruled: Reflections on Russian Political Development. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Matsuzato K. From Communist Boss Politics to Post-Communist Caciquismo — the Meso-Elite and Meso-Governments in Post-Communist Countries // Communist and Post-Communist Studies. 2001. Vol. 34. No. 2. P. 175–201.
- Murvar V. Some Reflections Weber's Typology of Herrschaft // Sociological Quarterly. 1964. Vol. 5. No. 4. P. 374–384.
- Murvar V. Patrimonialism, Modern and Traditionalist: A Paradigm for Interdisciplinary Research on Rulership and Legitimacy // Murvar V (ed.). Theory of Liberty, Legitimacy, and Power: New Directions in the Intellectual and Scientific Legacy of Max Weber. London: Routledge & Kegan Paul, 1985. P. 40–85.
- Poggi G. Max Weber's Conceptual Portrait of Feudalism // British Journal of Sociology. 1988. Vol. 39. No. 2. P. 211–227.
- Roth G. Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States // World Politics. 1968. Vol. 20. No. 2. P. 194–206.
- Roth G. The Genesis of Typological Approach // Bendix R. and Roth G. Scholarship and Partisanship. Essays on Max Weber. Berkeley: University of California Press, 1971. P. 253–265.
- Roth G. Introduction // Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology / Ed. by G. Roth and C. Wittich. Berkeley: University of California Press, 1978. P. xxxiii–cx.
- Schluchter W. The Rise of Western Rationalism. Max Weber's Developmental History. Berkeley, University of California Press, 1981.
- Schluchter W. Paradoxes of Modernity: Culture and Conduct in the Theory of Max Weber. Stanford: Stanford University Press, 1996.
- Shlapentokh V. Early Feudalism — the Best Parallel for Contemporary Russia // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 3. P. 393–411.
- Solnick S. L. Russia's «Transition»: Is Democracy Delayed Democracy Denied? // Social Research. 1999. Vol. 66. No. 3. P. 789–824.
- Tilly C. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992. Oxford: Blackwell, 1992.
- Theobald R. Patrimonialism // World Politics. 1982. Vol. 34. No. 4. P. 548–559.
- Tompson W. Putin's Challenge: The Politics of Structural Reform in Russia // Europe-Asia Studies. 2002. Vol. 54. No. 6. P. 933–957.
- Volkov V. Violent Entrepreneurship in Post-Communist Russia // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. No. 5. P. 741–754.
- Volkov V. Between Society and the State: Private Security and Rule-Enforcement in Russia // Politics and Society. 2000. Vol. 28. No. 4. P. 483–501.
- Way L. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, and Ukraine // World Politics. 2005. Vol. 57. No. 2. P. 231–251.
- Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology / Ed. by G. Roth and C. Wittich. Berkeley: University of California Press, 1978.